

На правах рукописи

Григер Максим Вадимович

**СЕМЬЯ И БРАК В ЕВРЕЙСКОЙ
ОБЩИНЕ ПАЛЕСТИНЫ
II - III вв. н.э.**

Специальность 07.00.03. – всеобщая история
(история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань 2008

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина».

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент Олег Леонидович Габелко

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Аркадий Бенционович Ковельман
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

кандидат исторических наук, доцент Александр Леонидович Смышляев
(ИВИ РАН)

Ведущая организация: Российский Государственный Гуманитарный Университет

Защита состоится «___» _____ 200_ г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18 (корпус № 2), ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина».

Автореферат разослан «___» _____ 2008г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Д.Р. Хайрутдинова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Семья и брак являются важнейшими институтами человеческого общества, в том числе в эпоху античности. Поэтому их исследование способствует пониманию многих аспектов существования античного человека и социума. Вместе с тем, именно в античности были заложены основы институтов брака и семьи, которые продолжают оставаться приоритетными как для европейской, так и для ближневосточной цивилизации.

Изучение различных аспектов семейно-брачных отношений является сейчас одной из приоритетных тем в историографии древней истории. Многие исследователи, в том числе и отечественные, самым тщательным образом трактуют разнообразные проблемы, относящиеся к истории семьи и брака в греко-римском мире. Однако значительно меньше было уделено внимания изучению данных общественных институтов у других народов, вошедших в орбиту эллинистической культуры и римской власти. Ярким примером является история еврейского этноса.

Исследованию семьи и брака у древних евреев, основанному на библейском материале, посвящена масса работ, в том числе и в отечественной историографии. Следующим этапом в развитии институтов семьи и брака у евреев традиционно считается талмудическая эпоха. Однако между библейской эпохой и эпохой Вавилонского Талмуда лежит важный этап в трансформации иудейской религии и еврейского этноса, который характеризуется ломкой старых традиций и поиском новых путей. Политическая и религиозная история евреев этого периода достаточно изучена, в то время как истории семьи и брака не уделено должного внимания. Многие рассматривают семью и брак этого периода как институты талмудической эпохи, что в корне неверно, так как культурная среда, создавшая Вавилонский Талмуд, существенно отличалась от культурной среды греко-римской Палестины.

Значимость и актуальность исследования подчеркивается возросшим в последнее время интересом к истории семьи брака в античности, а также комплексом новых источников (папирусы и археологические материалы), появившихся относительно недавно и проливающих новый свет на историю палестинских евреев первых веков нашей эры.

Объектом исследования выступают социальные отношения в римской Палестине II – III вв. н.э.

Предметом исследования являются институты семьи и брака в еврейской общине Палестины II – III вв. н.э. в идеологическом и историческом контексте эпохи.

Хронологические рамки исследования обозначаются периодом II – III вв. н.э. Выбор данных рамок определен развитием литературы таннаев (являющейся главным источником диссертационного сочинения) именно в этот период. Кроме того, границы периода обусловлены социально-политическими изменениями, произошедшими с еврейской общиной Палестины: с одной стороны – окончательное крушение гражданско-храмовой

общины; с другой стороны – формирование новой структуры общества, во главе с патриархом («наси»).

Цель и задачи исследования. Цель данного исследования – рассмотреть роль институтов семьи и брака в жизни еврейской общины Палестины II–III вв. н.э.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. выявить «философию» брака, включая преобладающую модель брачного союза, форму заключения брака и механизм легитимации брачного союза;
2. раскрыть проблему незаконного брака и связанный с ней социальный статус потомства;
3. определить социальное значение института брачного договора;
4. исследовать имущественные и хозяйственные отношения в семье;
5. выяснить социальный смысл института развода;
6. оценить влияние сексуальных преступлений на выстраивание норм семейно-брачных отношений;
7. исследовать проблему адюльтера в семейно-брачных отношениях.

Источниковая база. Главным источником данного исследования является раздел Мишны «Нашим» (נשים – женщины), где собрана большая часть семейного права Мишны. В работе также используются данные из других разделов Мишны. Мишна появилась в результате долгого процесса развития «галахической» (законотворческой) литературы, возникшей в период Второго Храма; последняя, как правило, известна под названием Устной Традиции или Устной Торы. Мишна была отредактирована в конце II века н.э. Р. Иудой ха-Наси, приблизительно через 120 лет после разрушения Иерусалимского Храма.

Другим важным источником, очень близким к Мишне по содержанию, стилю и авторству, является Тосефта. Тосефта – также образец литературы таннаев. В ней собраны материалы, которые по каким-то соображениям редактор Мишны не включил в свое произведение. Редакция текста Тосефты произошла после смерти р. Иуды ха-Наси, где-то ближе к середине III в. н.э.

Много полезной информации было почерпнуто из дальнейших сборников раввинистической литературы – Палестинского Талмуда (Иерушалми), составленного примерно в 400 г., и Вавилонского Талмуда (Бавли), составленного столетием позже. Кроме того, в работе использован агадический сборник, не вошедший в состав Талмуда, – Берешит Раба, отредактированный приблизительно в конце IV – начале V вв.

Отдельным важным корпусом источников служит библейская литература.

Для нас важны письменные источники, по времени предшествующие II–III вв. н.э. Наиболее значимые из них – труды Филона Александрийского, философа и толкователя Библии, жившего в Александрии Египетской, и исторические книги Иосифа Флавия, родившегося и выросшего в Палестине, а затем перебравшегося в Рим. Оба эти автора жили в первом веке нашей эры,

и их труды дают нам представления, существовавшие в среде еврейской элиты Палестины и диаспоры.

Самостоятельным корпусом источников выступает христианская литература. Евангелия предоставляют нам ценную информацию об обычаях и нормах жизни простого еврейского населения Палестины I в. н.э. Были использованы послания апостола Павла, где на основе эллинистической мысли и сектантского иудаизма создавалась христианская идеология в отношении семьи и брака. Ряд интересных сведений предоставили и более поздние сочинения отцов христианской церкви – Иустина Мученика (II в. н.э.), Оригена (185–254 гг.), Иеронима (340/350–420 гг.), тем более, их жизнь в той или иной степени была связана с Палестиной.

Большое значение для нас имели папирологические источники. Среди папирологических материалов выделяются четыре крупные группы: 1) папирусы с острова Элефантина в Египте, дающие информацию о жизни еврейских наемников, служивших в гарнизоне острова во второй половине V в. до н.э.; 2) еврейские папирусы эллинистического Египта, датированные длительным периодом с III в. до н.э. по V в. н.э.; 3) Кумранские рукописи (включая Дамасский документ) II в. до н.э. – I в. н.э., принадлежавшие, как считается, одной из иудейских сект периода Второго Храма; 4) хозяйственные документы II в. н.э., найденные в основном в Нахал Хеве, принадлежавшие иудейским семьям, бежавшим в пустыню во время восстания Бар Кохбы (132–135 гг. н.э.).

К нееврейским письменным источникам, сыгравшим ключевую роль в попытках понять взаимовлияние еврейского права и окружающей среды, относятся памятники римского права. В первую очередь – это «Институции» римского юриста Гая. Жизнь и деятельность Гая приходится на «золотой век» правления Антонинов и может быть приблизительно датирована 120–180 гг. н.э. Важным источником, по времени недалеко отстоящим от «Институций» Гая, являются сочинения двух великих римских юристов – Павла и Ульпиана, написанные в III в. н.э. Мы пользовались также трудами римских юристов времен правления императора Юстиниана – Новеллой, Кодексом, и, главным образом, Дигестами.

В качестве дополнительных источников были использованы произведения античных авторов: Гесиода, Ксенофонта, Демосфена, Гекатея Абдерского, Цицерона, Дионисия Галикарнасского, Валерия Максима, стоиков Гиерокла и Антипатра из Тарса, Плиния Старшего, Плиния Младшего, Авла Геллия, Плутарха, Диона Кассия.

Для лучшего понимания библейских правил и общего законодательного контекста на Ближнем Востоке в ходе работы привлекались Законы Хаммурапи, вавилонского царя XVIII в. до н.э.

Степень научной разработанности темы. Тема изучения еврейских семьи и брака в древности возникла практически одновременно с появлением еврейской истории в рамках европейской исторической науки, т.е. еще в первой половине XIX в. Главный акцент в этих исследованиях делался на библейском материале и, таким образом, на истории еврейской семьи и брака в

эпоху племенного союза и Первого Храма. Однако вопросы семьи и брака не были в них ключевыми, и главным для этих авторов было показать ход мысли и достоинство библейского законодателя. Еще реже вопросы семьи и брака поднимались в работах, рассматривающих талмудическую литературу. Институты семьи и брака практически не рассматривались в общих работах по древнееврейской истории как в отечественной историографии, так и в зарубежной.

В советской исторической науке исследования истории древних евреев занимали маргинальные позиции. В последние десятилетия, несмотря на поток публикаций по еврейской истории, отечественных работ и переводов, посвященных истории евреев в античности, немного, а работ, посвященных исследованию семьи и брака, нет.

Во второй половине XX века в мировом социо-гуманитарном знании произошел ряд так называемых познавательных «поворотов»¹. Из них самый важный для данного исследования – социоисторический поворот 50-70-х гг., который содействовал порождению феномена «новой исторической науки». Интерес историков сместился в сторону изучения социальных и культурных явлений. Появление гендерных исследований в свою очередь заставило пересмотреть многие аспекты жизни человека, общества и культуры в прошлом и настоящем. Проблемы функционирования пола, складывания гендерных различий, смены гендерных ролей, анализ мужского и женского типов дискурса² стали объектом изучения представителей гуманитарного знания.

Институты семьи и брака заново стали предметом пристального внимания ученых, в том числе это затронуло и изучение данных институтов в античности. С 1970-х гг. не прекращается поток публикаций о семье и браке в греко-римской культуре. С рубежа 80-90-х гг. эта исследовательская волна стала затрагивать и еврейскую культуру в античности. За последнее время выходит значительное количество публикаций, что свидетельствует об актуальности изучения истории еврейской семьи и брака в античности для современной исторической науки. На это повлияло и появление новых источников, способных дополнить раннюю раввинистическую литературу. Это, прежде всего – находки папирусов в Иудейской пустыне, найденные в основном в середине и введенные в научный оборот в 60-80-х гг. XX в., которые позволяют по-новому взглянуть на еврейскую семью и брак в античности.

Историографию, использованную в данном диссертационном сочинении, можно разделить на несколько групп³: 1) исследования, посвященные

¹ Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С. 11-20.

² Пушкарева Н.Л. О методах анализа «мужских и женских» текстов (феминистская лингвистика и социальная история пола). От теории «слово как действие» к теориям «гендер-лекта» // Теория и методология гендерных исследований: Сб. материалов. – Часть 2. – М.: ИВИ РАН, 2006. С. 145-181.

³ Современная зарубежная историография представлена англоязычными работами, что объясняется двумя причинами: 1) американские центры исследований по иудаике являют-

истории семьи и брака у евреев в древности; 2) труды по истории еврейского народа в рассматриваемый и в период непосредственно ему предшествующий; 3) разнообразные работы, посвященные греко-римской культуре в целом, римскому праву и конкретно семье и браку в античной культуре; 4) книги, в которых поднимается проблема сравнения греко-римской и раввинистической культуры; 5) литература общеметодологического плана, касающаяся изучения роли семьи, взаимоотношений полов в обществе.

Говоря об исследованиях по истории семьи и брака у евреев в древности, которые стали наиболее важными в диссертационном сочинении, отметим работы следующих авторов.

Работой подытожившей знания, накопленные классической гебраистикой XIX – начала XX вв., является исследование Дж. Мура, который описал состояние иудаизма первых веков нашей эры. Отдельная глава его сочинения посвящена еврейской семье¹.

Для современной науки фундаментальными являются труды Дж. Нюснера², его систематические и детальные исследования Мишны, начавшие публиковаться с 1970-х гг. Дж. Нюснер был первым, кто занялся прочтением раввинистических текстов с позиции исследователя гендерных отношений. Он развивает теорию о том, как рабби определяли сущность природы и характера мужчин и женщин. В соответствии с этой теорией, рабби видели женщин как морально слабых искушительниц, от которых мужчины должны оберегать и себя и их самих. Из-за женского неуправляемого сексуального потенциала было необходимо, чтобы мужчины обладали полным контролем над женщинами. Исследуя все тома Мишны, которые трактуют женщин, он показывает, что рабби особенно интересовали моменты перехода женщины от одного мужчины к другому, поскольку они несли самую большую опасность.

Ряд важных работ, написанных в рамках гендерной методологии, рассматривает проблему еврейской семьи и брака в античности. Интересную концепцию правового статуса женщины в Мишне приводит Дж. Вегнер³. Она исследует обширный корпус мишнаитского закона о женщинах с точки зрения современных правовых стандартов. Дж. Вегнер находит, что в некоторых областях права, относящихся к женской сексуальности и способности к деторождению, женщина трактуется как движимое имущество; в других областях

ся передовыми в настоящее время; 2) даже не в англоязычных странах (например, в Израиле, который является вторым важнейшим центром изучения еврейской истории в мире) ученые стараются опубликовать свои исследования на английском языке, т.к. это делает их работы действительно доступными и значимыми в международном сообществе ученых-специалистов.

¹ Moor G. F. Judaism in the first centuries of the Christian era. The age of the Tannaim. Vol. II. Cambridge, 1932.

² Neusner J. Method and Meaning in Ancient Judaism. BJS 10. Missoula, 1979; idem. The Evidence of the Mishna. BJS. 129. Atlanta, 1988; idem. Evaluating the Attributions of Sayings to Named Sages in Rabbinic Literature // JSJ. 26, 1995.

³ Wegner J. R. Chattel or Person? The status of woman in the Mishna. N. Y. – Oxford, 1988.

она рассматривается как личность. Д. Боярин и Ш. Вэллер при пристальном прочтении галахического и агадического материала распознают многосоставной раввинистический взгляд на женщин, колеблющийся от более нейтрального к более тенденциозному. Д. Боярин¹ устанавливает, с одной стороны, заинтересованность рабби в рассмотрении природы женского существа, с другой – нахождение женщин за границами активности, высоко оцениваемой культурой (например, изучение Торы). Он приходит к заключению, что хотя внимание к женщинам не покушается на доминанту мужской иерархии, тексты, в которых мужчины сопротивляются официальной идеологии, подразумевают участие диссидентского, протофеминистского голоса. Ш. Вэллер² детально анализирует пять групп анекдотов, относящихся к женщинам. Она находит, что рабби в конкретных житейских ситуациях отказываются от строгостей, которые они сами же и навязывали, и решают возникающие проблемы более мягким способом, демонстрируя, таким образом, чувствительность по отношению к женщинам. Т. Илан³, исследуя женский статус в ранний раввинистический период, отмечает глубокие различия между раввинистическими, официальными заявлениями и реальной жизнью женщин. Она спрашивает, каков был действительный статус женщин в период с 332 г до н.э. (со времени завоевания Александром Палестины) до 200 г. н.э. (ко времени появления Мишны) и приходит к выводу, что только небольшая часть еврейского народа (в частности, высшие классы) жили в соответствии с предписаниями таннаев. Дж. Хауптман⁴ попыталась проинтерпретировать изменения в еврейском семейном праве первых веков нашей эры с точки зрения женщины. Она пришла к выводу, что рабби поддерживали патриархат как predetermined образ социальной организации, продиктованный Торой. Таким образом, они увековечили женщину как существо худшего, по сравнению с мужчиной, сорта, что подразумевало ее подчиненный статус. Рабби не добивались равенства для женщин и даже не думали об этом, но, что очень важно, начали вводить многочисленные, значимые и иногда смелые поправки, улучшающие участь женщин.

Самым последним и наиболее обстоятельным исследованием истории еврейского брака в античности является книга М. Сатлова⁵. Его работа базируется на трех основных посылах. Первая заключается в том, что группы еврейского населения в различных частях античного мира имели фундаментально различные понимания целей и функций брака; в частности, исследователь подчеркивает различия между палестинским и вавилонским пониманием брака. Второй его аргумент – не было ничего специфически еврейского в еврейском браке в античности: хотя евреи старались идентифицировать

¹ Boyarin D. *Carnal Israel: Reading Sex in Talmudic Culture*. Berkeley: University of California Press, 1993.

² Valler Sh. *Women and Womanhood in the Stories of the Babylonian Talmud*. Tel Aviv, 1993.

³ Ilan T. *Jewish Women in Greco-Roman Palestine: an inquiry into image and status*. Tübingen, 1995.

⁴ Hauptman J. *Rereading the Rabbis: a woman's voice*. Boulder: Westview Press, 1998.

⁵ Satlow M. *Jewish Marriage in Antiquity*. Princeton, 2001.

свои браки именно как еврейские, они это делали внутри собственного регионального и исторического контекста, так что их браки были более схожи с браками их нееврейских соседей, чем с браками евреев живущих в других регионах. В-третьих, М. Сатлов фокусирует внимание на разрыве между брачной идеологией, идеалами и реальностью.

Во вторую группу можно отнести значительное количество трудов, посвященных истории еврейского народа в рассматриваемую эпоху и в период, непосредственно ей предшествующий. Одной из наиболее значимых для нашего исследования была книга Э. Бикермана, где он дает оценку эпохе эллинизма в жизни еврейского народа, проникновению греческой культуры в иудейскую, процессу цивилизационного синтеза¹. Аспекты этой же проблемы (евреи и эллинизм) затрагиваются в трудах С. Либермана² и Л.И.Левина³. Исследование советского историка И.Ш. Шифмана⁴ посвящено анализу римской провинции Сирия, близкой Палестине культурно и этнически. В последнем исследовании нас заинтересовало описание социальных процессов среди местного населения, в том числе в еврейских общинах Сирии. Иудаизму первых веков нашей эры и его влиянию на жизнь еврейского народа уделено внимание в классическом (с точки зрения методов и источников), обстоятельном труде Дж. Мура⁵. То же влияние иудаизма на жизнь евреев этой эпохи, но только с позиции создания структуры раввинистической элиты, исследуется в работе К. Хецер⁶. В последние годы Э. Мэйерс⁷ и Х. Лапин⁸ активно исследуют Галилею как отдельный регион со своей этнической, социоэкономической и культурной спецификой. Сборники «Галилея в поздней античности»⁹ и «Галилея сквозь столетия: слияние культур»¹⁰ являются результатом двух международных конференций по изучению истории данного региона. В сборнике «Галилея сквозь столетия: слияние культур» статья Х. Лапина анализирует эпиграфический материал из позднеантичной Палестины. Сейчас Х. Лапин является ведущим исследователем в этой. Ценные сведения об экономике Палестины в период поздней античности, особенно об

¹ Bickerman E. The Jews in the Greek Age. Cambridge: Harvard University Press, 1988.

² Lieberman S. How Much Greek in Jewish Palestine? / Texts and Studies. N.Y.: Ktav, 1974.

³ Levin Lee I. Judaism and Hellenism in Antiquity. Conflict or Confluence? Washington, 1998.

⁴ Шифман И.Ш. Сирийское общество эпохи принципата (I – III вв. н.э.). М., 1977.

⁵ Moor G. F. Judaism in the first centuries of the Christian era. The age of the Tannaim. Vol. II. Cambridge, 1932.

⁶ Hezcer C. The Social Structure of the Rabbinic Movement in Roman Palestine, Tübingen, 1997.

⁷ Meyers E. Galilean Regionalism as a Factor in Historical Reconstruction // BASOR. 221, 1976; Galilee through the centuries: confluence of cultures (ed. by Eric M. Meyers). Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 1999.

⁸ Lapin H. Early Rabbinic Civil Law and the Social History of Roman Galilee: A Study of Mishna Tractate Baba' Meši'a'. BJS, Atlanta, 1995.

⁹ The Galilee in Late Antiquity (ed. by Lee I. Levine). – Harvard University Press, 1992.

¹⁰ Galilee through the centuries: confluence of cultures (ed. by Eric M. Meyers). Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana, 1999.

аграрных отношениях и сельском хозяйстве, содержит книга Д. Спербера¹. Профессор университета Беркли Ш. Коэн² в книге «Начала еврейскости» рассматривает еврейскую историю рубежа эр через призму этнических процессов в античности, увязывая проблемы этнической и религиозной идентичности с изменениями в брачном законодательстве и идеологии. Среди литературы посвященной изучению папирологических источников (многие из которых были открыты лишь недавно) отметим исследования И. Ядина³, «отца» израильской археологии, и Р. Ярона⁴. Сейчас главные труды по исследованию арамейских папирусов публикуются Х. Коттон⁵.

Третья группа включает в себя разнообразные работы, посвященные греко-римской культуре в целом, римскому праву и конкретно семье и браку в античной культуре.

Работа Ф.Ф. Велишского⁶ является ярким примером того, как представляла, описывала обыденную жизнь античности историческая наука XIX в. При некоторой стилистической и методологической наивности, книга сохраняет ценность в качестве источника разнообразной информации о жизни эпохи. Труды Н.Д. Фюстель де Куланжа⁷ и Г. Буассье⁸, хотя и посвящены главным образом религии античности, вместе с тем рассматривают как религиозные представления, ритуал влияли на жизнь греко-римской семьи. Идея Фюстель де Куланжа об основании семейных отношений греков и римлян, покоящемся в культе домашнего очага и в почитании предков, сохраняет свою актуальность до сих пор. Исследование В. Дюранта⁹, написанное в 30-е гг. XX в. (главной целью которого является стремление показать, как в глубинах античной истории и культуры зародилось христианство), дает широкую картину жизни римской империи первых веков нашей эры. О ценностях материальной, духовно-бытовой жизни обывателя римского государства рассказывает книга Г.С. Кнабе¹⁰.

¹ Sperber D. Roman Palestine 200-400: The Land. Ramat-Gan, 1978.

² Cohen S.J.D. The Beginnings of Jewishness, University of California Press, 1999.

³ Yadin Y. Expedition D – The Cave of the Letters // IEJ. 12, 1962.

⁴ Yaron R. Introduction to the Law of the Aramic Papyri. Oxford, 1961.

⁵ Cotton H.M. The Rabbis and the Documents / Jews in a Graeco-Roman World. Oxford, 1998; Cotton H. M., Yarden A. Aramaic, Hebrew, and Greek Documentary Texts from Nahal Hever and Other Sites, with an Appendix Containing Alleged Qumran Texts (The Seiyal Collection II) // DJD. XXVII, Oxford, 1997.

⁶ Велишский Ф.Ф. Быт греков и римлян. Пер. с чешск. под ред. И.Я. Ростовцева. Прага, 1878.

⁷ Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. (La Cité Antique). Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. Пер. Н.Н. Спиридонова. М., 1903.

⁸ Буассье Г. Римская религия от времен Августа до Антонинов. Пер. Н.Н. Спиридонова. М., 1914.

⁹ Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995.

¹⁰ Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986.

Дореволюционная русскоязычная историография в значительной степени интересовалась римским семейным правом¹. Представление о том, как наука XIX в. оценивала античный брак, мы находим в целом ряде дореволюционных работ: Л.О. Соколовского², И.А. Покровского³, М.Я. Красина⁴, Б.В. Никольского⁵, Ф. Зигеля⁶ и др. Их точка зрения базируется на источниках права и морализаторских высказываниях древних историков. Основная их идея состоит в том, что римские женщины, в отличие от греческих, изначально занимали высокое положение в обществе. Власть женщин достигла максимума при безобразиях и непотребствах некоторых императоров из рода Юлиев-Клавдиев, а затем произошло зарождение новой религии и, соответственно, трансформация римского брака в брак христианский, который был «нормой» для читателей XIX в. Сейчас большинство из этих положений вызывает сомнение и, в лучшем случае, дискуссию. Тем не менее, отечественные исследования данного периода находились в русле западной историографии, были с ней хорошо знакомы.

В советский период происходит отход от исследования проблем римского права и истории семьи. В современной историографии вновь возникает интерес к исследованию древнего семейного права, однако отечественных работ по семье и браку в античности не так много⁷, а существующие переводы не удовлетворяют уровню развития современной западной историографии⁸.

Западная историография о семье и браке в греко-римском обществе неисчерпаема. Поэтому я остановлюсь на ключевых работах, использованных в диссертации. Добротным исследованием в рамках классического позитивист-

¹ См. Библиография русской литературы по римскому праву с 1860 по 1996 гг. Составитель А.В. Щеглов // Древнее право 1(2). М., 1997.

² Соколовский Л.О. О постепенном развитии идеи брака в Древнем Мире. СПб., 1843.

³ Покровский И.А. Положение женщины у древних римлян по праву и обычаю // Самообразование. №4, 1864.

⁴ Красин М.Я. Положение женщины в древнейшем Риме. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании казанской духовной академии, 8 ноября 1877 г. проф. М.Я. Красиным. Казань, 1877.

⁵ Никольский Б.В. Дарения между супругами: исследование по римскому праву. СПб., 1903.

⁶ Зигель Ф. Сравнительная история права. Варшава, 1910.

⁷ См.: Смирин В.М. Римская «familia» и представления римлян о собственности // Быт и история в античности. М., 1988 С. 18-40; он же, Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима. Т. 2. М., 1985; Свенцицкая И.С. Греческая женщина античной эпохи: путь к независимости / Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени (ред. Ю.Л. Бесмертный). М., 1996; Майорова Н.Г. Семья в Риме VII-VI в. до н.э. // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 3-8; Женщина в античном мире. М., 1995.

⁸ Яркий пример: переиздание дореволюционного перевода книги Гиро - Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2002. Исключение здесь составляет Шпет Т. «Власть женщин» в ранней римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» // THESIS. Вып. 6. М., 1994, чье исследование очень ценно, особенно в плане обзора западной историографии по данному вопросу.

ского подхода и правоведения является труд П. Корбет¹ о римском семейном праве. Работа подытоживает научные достижения в исследовании проблемы за предшествующий период. Затем происходят уже упомянутые изменения в социо-гуманитарном знании, повлекшие за собой смену исследовательской парадигмы историков. В области изучения античного общества реформаторскими являются исследования С. Померой², которая с 70-х гг. XX в. активно занимается семейной идеологией и положением женщин в античности. На сегодняшний день С. Померой является классиком гендерного подхода и различных новых методов в применении к античному материалу. Важным для понимания римского права является исследование Д. Даубе³, которое также находится в русле новых веяний и отличается от классических комментариев к законам. Более традиционное исследование – книга П. Циллага⁴, посвященная семейному законодательству Августа. Главным источником информации о римском браке для моей работы послужили труды С. Треджиари⁵, ведущего мирового специалиста по этой проблеме. Среди последних изданий отметим исследования Т.Хабинек⁶ и Т. МакГина⁷, где раскрывается проблема сексуальности и связанных с ней запретов и преступлений в римском обществе.

К четвертой группе относятся работы, в которых поднимается проблема сравнения греко-римской и раввинистической культуры. Накопление параллелей между классическим и раввинистическим материалом, хотя часто без анализа значений этих параллелей, началось в XIX в. и продолжалось до сер. XX в. И. Бергман⁸ заметил, хотя и поверхностно, параллели между стоическими и раввинистическими сентенциями о браке. В последнее время исследователи потеряли интерес к этой проблеме. Классическими работами по данной теме остаются исследования С. Либермана⁹, М. Хенгеля¹⁰ и эссе, собранные Г. Фишелом¹¹. Г. Фишел утверждает, что раввинистическая литература была пронизана греко-римскими философскими идеями и формами

¹ Corbett P.E. The Roman Law of Marriage. Oxford, 1930.

² Pomeroy S. Goddesses, Whores, Wives and Slaves. Women in Classical Antiquity. N.Y.: Shocken, 1975; она же, Families in Classical and Hellenistic Greece: Representations and Realities. Oxford, 1997; она же, Women in Hellenistic Egypt: From Alexander to Cleopatra. N.Y., 1984.

³ Daube D., Roman Law: Linguistic, Social and Philosophical Aspects. Edinburgh, 1969.

⁴ Csillag P. The Augustian laws on family relations. Budapest, 1976.

⁵ Treggiary S. Lower Class Women in the Roman Economy // Florilegium. 1, 1979; eadem. Roman Marriage, Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford, 1991.

⁶ Habinek T. The Invention of Sexuality in the World-City of Rome / The Roman Cultural Revolution. Cambridge, 1997.

⁷ McGinn T.A.J. Prostitution, Sexuality, and the Law in Ancient Rome, N. Y., 1998.

⁸ Bergmann J. Die stoische Philosophie und die jüdische Frömmigkeit. In Judaica. Festschrift Hermann Cohen. Berlin, 1912.

⁹ Lieberman S. Greek in Jewish Palestine. N.Y., 1942; idem. Hellenism in Jewish Palestine. N.Y., 1950.

¹⁰ Hengel M. Judaism and Hellenism. Philadelphia, 1974.

¹¹ Fischel H. A. Rabbinic Literature and Greco-Roman Philosophy. Studia Post-biblica. Leiden: E.J.Brill, 1973.

(особенно киническими и эпикурейскими), но масштаб его исследования ограничен. Важной попыткой оживить исследования на тему взаимоотношений между рабби и их нееврейскими современниками является работа М. Гудмана¹. Среди трудов, посвященных сравнению римского и еврейского права, отметим исследование Б. Коэна². Тема взаимовлияния еврейского и римского права друг на друга вызывает значительные дебаты: мнения различаются от минимального до существенного взаимодействия. Обзор этой проблемы находится в книге Д. Даубе³.

В пятую небольшую группу можно выделить работы общеметодологического плана, касающиеся роли семьи, взаимоотношений полов в обществе. Основы гендерного подхода в исследовании роли женщины в культуре и обществе дает книга М. Розальдо⁴. Отметим также книгу Дж. Гуди⁵, в которой он разбирает модели семейно-брачных отношений в различных исторических сообществах Евразии, в том числе у древних евреев и в греко-римском мире. Дж. Гуди приводит обобщающие теоретические выкладки и вносит элемент современных социологических исследований в анализ античного материала. Методологию исследования телесности и связанные с ней вопросы отношения общества к полу, построение социальных связей через метафору тела рассматривает работа П. Брауна⁶; те же вопросы только на примере античного материала разбираются в книге А. Руссель⁷.

Методология и методы исследования. Методология исследования строится на междисциплинарности (используются подходы, характерные для гебраистики, классического антиковедения, римского права).

Ключевым для работы является историко-сравнительный метод исследования, перекрестный допрос источников. Историко-сравнительный метод основывается на таких принципах исторического исследования, как научность, объективность и историзм. Сравнение проводится по четырем направлениям:

1) Проблемы семьи и брака, затрагиваемые в Мишне, сравниваются с более ранними библейскими установками. Поскольку Мишна базируется на Танахе, то замеченные отличия (разработка старых тем, инновации) подразумевают определенные причины их появления. Эти причины мы стараемся понять через исторические изменения, произошедшие в еврейском обществе.

2) Мишнаитские тексты рассматриваются в контексте дальнейших талмудических текстов, что в сравнении с библейскими текстами дает пред-

¹ Goodman M. *Jews in a Greco-Roman World*. Oxford, 1998.

² Cohen B. *Jewish and Roman Law*. N.Y., 1966.

³ Daube D. *Jewish Law in the Hellenistic World / Jewish Law in Legal History and the Modern World*. Leiden, 1980.

⁴ Rosaldo M.Z. *Woman, Culture, and Society: a Theoretical Overview / Woman, Culture, and Society* (ed. M.Z. Rosaldo & L. Lamphere). Stanford, 1974.

⁵ Goody J. *The oriental, the ancient, and the primitive: systems of marriage and the family in the pre-industrial societies of Eurasia*. Cambridge, 1990.

⁶ Brown P. *The Body and Society*. N.Y., 1988.

⁷ Roussele A. *Porneia: On Desire and the Body in Antiquity*. N.Y., 1996.

ставление о динамике изменений в системе семейно-брачных отношений еврейского общества изучаемого периода.

3) Выявленные ключевые позиции Мишны по вопросам семьи и брака мы сравниваем с тем, что мы знаем о семье и браке в греко-римском мире этого времени, в том числе с изначально близкой иудаизму христианской идеологией. Это позволяет понять, насколько мишнаитские представления вписывались в культурный контекст эпохи, в чем заключались принципиальные сходства и отличия.

4) Наконец, полученные путем предыдущих компаративных наложений сведения о еврейской семье и браке мы пытаемся согласовать с немногочисленными данными папирусов, археологическими свидетельствами, которые мы имеем.

Многопластовое сравнение позволяет судить о том, как изменялись представления о семье и браке, с чем они были связаны, насколько согласовывались с реальными вызовами семье и браку в рассматриваемый период.

Тема диссертационной работы предполагает также обращение к методам гендерной истории. Прочтение античных текстов через призму таких ключевых понятий гендерной истории как «приватное и публичное пространство», «нормальное и девиантное поведение», «телесность» и др. позволяет прийти к новым ответам на старые вопросы.

В настоящее время существует два основных исследовательских подхода к раввинистической литературе. Первый заключается в том, чтобы рассматривать раввинистическую литературу как единое целое, не обращая внимание на редактуру отдельных текстов, фокусируясь на общих особенностях культуры раввинистической мысли и на фигурах отдельных рабби, которые всплывают в разных текстах. Данный подход близок к талмудическим исследованиям в традиционном иудаизме. При втором подходе отдельные раввинистические сборники рассматриваются, прежде всего, как труд определенных редакторов, а не просто как компендиумы высказываний разных рабби. При данном подходе раввинистический сборник рассматривается как цельное тело, но при этом в оппозиции к другим подобным сборникам, так как их редакторы творили в своем (другом) историческом, культурном и социальном контексте. Второй подход представлен, главным образом, в светских учебных заведениях и развивается усилиями Дж. Нюснера и его сторонников.

Моя исследовательская позиция близка к подходу Дж. Нюснера, так как именно подобный взгляд на раввинистический текст позволяет связать его с определенным местом и эпохой и рассмотреть институты того общества, в котором данный текст был создан (в моем случае на институты семьи и брака зафиксированные в Мишне).

В результате решения поставленных задач были сформулированы **основные положения**, выносимые на защиту:

- институты семьи и брака становятся объектом пристального внимания в среде еврейской элиты II-III вв. н.э.;

- брак евреев II-III вв. н.э. сильно отличался от библейских установок и был более похож на институт брака, функционировавший в это время в греко-римском мире;
- пытаюсь примирить несоответствие библейских идеалов с реалиями жизни еврейских семей, таннаи вводят новый дискурс, определяющий понятия семьи и брака; этим объясняется появление таких новых институтов как кетуба, киддушин и др;
- прописывая правила и определяя, что является нормой еврейского брака, рабби устанавливали свой контроль внутри еврейского общества, что было особенно актуально, когда после восстания Бар Кохбы еврейская элита оказывается исключенной из сферы публичной политики;
- поскольку частное пространство становится все более значимым в еврейском обществе, институт брака начинает получать оттенок религиозной святости;
- освящение института брака происходит одновременно с проникновением в семейные отношения понятий чистоты и нечистоты, которые связываются с сексуальностью и сексуальными преступлениями: отсюда вытекает исключительное внимание таннаев к вопросам секса и женской физиологии;
- поддержка таннаими института брака, укрепление связей в семье через регламентацию хозяйственных отношений, борьба с сексуальными преступлениями являлась частью общей пропаганды идеалов oikos'a в античном мире, в условиях, когда реальный oikos находился в кризисе.

Научная новизна работы. Диссертационное сочинение является первым в отечественной историографии обобщающим исследованием еврейских семьи и брака в Палестине II – III вв. Постановка временных (II – начало III вв.) и географических (Галилея в составе Римской империи) рамок позволяет правильно оценить институты семьи и брака, в том виде, в каком они зафиксированы в Мишне, поскольку нельзя оценивать институты семьи и брака у евреев мишнаитской эпохи в границах всей раввинистической культуры. Это позволяет понять, какие проблемы волновали еврейский социум в переломный момент его истории и как эти проблемы сказались на институтах семьи и брака.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов и выводов в общих и специальных курсах по истории древнего мира, в курсах по истории семьи и брака в античности.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в научных публикациях и докладах на итоговых научных конференциях профессорско-преподавательского состава КГУ (2006, 2007, 2008); молодежных конференциях по иудаике в Москве (2001, 2005, 2006); XV Ежегодной Международной конференции по иудаике в Москве (2008). Отдельные

положения диссертации были представлены также в докладах на заседаниях научного кружка «Античный понедельник» (2005-2008 гг.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование темы исследования, объясняется ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, обозначается ее методологическая основа, анализируется историография и источники, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Мишнаитский брак как социокультурный феномен» состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«"Философия" брака: идеи и социальная практика»** основное внимание уделено мировоззренческим установкам, присущим еврейскому социуму II-III вв. н.э., повлиявшим на формирование представлений о браке и типах брачного поведения. Рассматривается библейский материал, на который таннаи могли опираться в своих рассуждениях о сущности и моделях брака. В целом брачные законы в Танахе касаются вопросов о препятствиях к браку, о разводе и так называемом левиратном браке. Таким образом, библейские тексты не дают однозначного ответа на предмет брака и предоставляют таннаим широкое поле для интерпретаций и нововведений. Проводится анализ таннаического восприятия брака как обязанности мужчины. Целью брака считалось создание хозяйства и рождение детей. Женщина, вследствие восприятия ее как «особого» существа, была исключена из заповеди о «порождении» (М. Иев. 6:6). Подобное отношение к браку соответствует представлениям греко-римской культуры того времени. Более того, делается вывод о возможном прямом влиянии стоической философии (идеология, поддерживающая *oikos*) на разработку философии мишнаитского брака.

Разобран вопрос о преобладании полигамии или моногамии в качестве основной модели еврейского брака в этот период. Исходя из данных папирусных источников, делается предположение о распространенности полигамной модели брака среди умеренно состоятельных слоев еврейского общества (Р. Уад. 26; Р. Мур. 20, 21, 115, 116), вследствие чего модель оказалась закрепленной и в тексте Мишны (М. Ктуб. 10:2; 10:4). Хотя «чрезмерная» полигамия и вызывала неодобрение, усиление моногамных тенденций в еврейской общине Палестины и активное использование брака Адама и Евы в качестве основной модели-метафоры, происходит позднее (Б. Иев. 65а; Бер. Раба 8:12-13), видимо, под влиянием христианства.

Технически приобретение мужем жены воспринималось как покупка («киньян») (М. Кидд. 1:1-5), что соответствует распространенной в римской правовой культуре практике *coemptio* (Гай 1, 110). Появление понятия «кид-душин» (М. Кидд. 2:1) связало бракосочетание со святостью, что характерно для послехрамового иудаизма – тенденции распространять понятие святости на ранее не сакрализованные вещи. Текст Мишны отражает возрождение института «зачаточного брака», который потерял свое значение в эллинистическую эпоху. За этим стоит стремление таннаев маркировать «еврейскость» брака через институт обручения и региональные особенности брачных традиций Галилеи (М. Иев. 4:10; М. Ктуб. 1:5). Анализируется свадебная церемония, как признак наличия законности брачного союза.

Во втором параграфе **«Брачные запреты их общественный смысл»** рассматривается социальная и идеологическая природа некоторых ограничений в брачном законодательстве таннаев. Можно выделить две основные причины, порождающие эти запреты: родственная связь брачующихся и несоответствие социально-правовых статусов будущих супругов.

Представление о табу на связь с некоторыми кровными родственниками прослеживается в библейском материале и других древних законодательствах. Таннаи пытались расширить список этих запретов (М. Иев. 2:4), что связано с их общей привязанностью к упорядочиванию.

Брачные запреты, связанные с социально-правовым статусом жениха и невесты, носят менее универсальный характер. Таннаи вырабатывают целую иерархию общественных групп, которые мы называли брачными кастами (М. Кидд. 3:12; 4:1). Браки между некоторыми кастами были запрещены, а их совершение наказывалось понижением статуса потомства. Анализ этих запретов показал, что таннаи пошли далеко за пределы библейских представлений, выработав совершенно новые термины и правила. Формально эти касты были связаны с понятием религиозной чистоты, и в этом можно увидеть идеологию «сакрализации» жизни еврейского социума. Однако за разработкой рабби понятий генеалогической чистоты, в частности категории «мамзер», можно увидеть их попытку утвердить свою власть в обществе, а также некоторые предрассудки о «плохой крови» (например, вольноотпущенников), характерные в целом для общества Римской империи. Очевидно и влияние римского права, которое проявляется в представлениях о матрилинейном принципе (Гай 1, 30; 1, 80-81). Представляется исторически правдоподобным, что матрилинейный принцип определения родства впервые стал применяться и распространяться в еврейской диаспоре, а позднее стал нормативным и для Палестины.

Вторая глава «Имущественные отношения в семье» содержит три параграфа. В первом параграфе **«Брачный договор как основа семейного союза»** исследуется институт заключения имущественных обязательств, предшествующий жизни образовавшейся семьи. Анализируется традиция библейского института *моһара* и причины его отсутствия в мишнаитском законодательстве. Рассматривается причина возникновения «кетубы», как термина, определяющего брачный договор и особую брачную выплату. На осно-

вании данных Мишны (М. Ктуб. 6:2-5) и папирусных источников (P. Yad. 18) делается вывод о преобладании в рассматриваемый период приданого – как основного типа брачной выплаты. Доказывается, что «кетуба» была изобретением рабби (Т. Ктуб 12:1), корни которого можно увидеть в демотических брачных контрактах из эллинистического Египта. Кроме того, за возникновением института «кетубы» стоит и попытка сблизить малосовместимые институт библейской выплаты моһара с распространенным в Римской империи институтом приданого. Очевидно, общество Палестины II – III вв. н.э., в отличие от общества библейских патриархов, было земледельческим и стратифицированным, и для него была более характерна выплата прямого приданого, а не косвенного. Поскольку приданое – это выплата от невесты к жениху, а библейский моһар, – выплата (хотя и отсроченная) мужа жене, данные транзакции находятся в некотором антагонизме друг к другу. Отмечается также стремление таннаев маркировать такой жизненно важный институт, как брак, в качестве еврейского. Именно из этого стремления не только именовать брак иудеев иудейским, но и функционально различить его в качестве такового, привело таннаев к реанимации обручения, появлению киддушина, и в том числе к возникновению кетубы.

Во втором параграфе **«Семейное хозяйство и социальные роли членов семьи»** исследована система имущественных и хозяйственных отношений, в рамках которой происходит взаимодействие членов семьи. Самыми важными ее составляющими являются права на собственность членов семьи, виды имущества в браке, обязанности супругов по отношению друг к другу, ведение домашнего хозяйства, обязанности мужа и жены по отношению к детям, обязанности детей по отношению к родителям, механизм наследования семейного имущества.

Анализируется патриархальная структура библейского брака, на которой основывались таннаи и проблема существования женской собственности. Мишна признает существование независимого имущества жены в браке (М. Ктуб. 8:1-2; 9-1). Наблюдается серьезный сдвиг в представлениях о правах женщин по сравнению с Библией. Однако Мишна негативно оценивает существование подобного независимого имущества, стремясь ограничить контроль женщины над ним и превратить мужа в пользовладельца (М. Ктуб. 8:3-5). Это объясняется стремлением спасти, законсервировать патриархальные структуры семьи. Очевидно, что строго патриархальная картина жизни библейской женщины не состыковывалась с современной таннаим практикой наличия у женщины в браке имущества неподконтрольного мужу. Брак, целью которого, по мысли таннаев, было создание oikos, находился в кризисе. Переход к форме брака *sine manu* показывает, что в обществе Римской империи женщина была все больше связана имущественными отношениями с семьей своего отца, но не с семьей своего мужа. Подобное явление не могло не сказаться на прочности брачного союза. Думаю, рабби видели в утверждении контроля мужа над имуществом жены способ укрепить брак. Подчеркивая значимость приданого и кетубы, таннаи стремились укрепить брак – институт, который в их мировоззрении получил и некоторую высшую санкцию.

Это была их контрпропаганда, попытка изменить реальность. Однако выстроить идеологическую систему, полностью оторванную от реальности, таннаи не могли. В противном случае они не смогли бы претендовать на властные позиции в еврейской общине Палестины II – III вв. н.э. Этим объясняется сохранение института независимого женского имущества в браке и одновременно несогласие с ним.

Отношения между супругами таннаи стремятся очертить как экономические обязанности. Мишнаитское представление о связи права мужа на узурпацию с имущества жены с его обязанностью содержать жену было общим местом в античной культуре (М. Ктуб. 4:4; Д. 23. 7). Хозяйственные обязанности жены по отношению к мужу в Мишне четко регламентированы (М. Ктуб. 5:5). Общим с греко-римской культурой является большее значение работы жены по выделке шерстяной нити и ткани (М. Ктуб. 5:9).

Исследуется хозяйственная жизнь мужчин и женщин в еврейском социуме, приводятся доказательства несостоятельности деления работ и домашнего пространства на «мужскую» и женскую» сферу. Невозможно утверждать, что жизнь женщины была ограничена домом (М. Ктуб. 9:4; Т. Б. Кама 11:7). Картина, согласно таннаическим текстам и археологическим свидетельствам, более сложна и социально стратифицируема. Женщины из высших слоев вели себя в соответствии с более изолированным образом поведения, а бедные – более свободно (М. Ктуб. 5:5; Т. Кидд. 5:14; Т. Б. Кама 11:7). Таким образом, существовало разнообразие в стиле жизни еврейских женщин в Палестине II – III вв. н.э. Таннаи, жившие в этом обществе, понимали хозяйственную ценность женских работ для простых семей, но пытались ограничить ее рамками дома. Причиной сепарации мужчин и женщин было осознание рабби легкости и произвольности мужского возбуждения в присутствии женщины, что могло привести к правонарушениям и краху социального порядка (М. Авот 1:5). Важно учитывать также социальное происхождение главного редактора Мишны р. Иуды ха-Наси. Патриарх был очень богатым человеком, и в его доме доминировали эллинистические нравы, характерные для высших слоев римской империи. Вследствие этого, вероятно, более изолированный стиль жизни женщин из богатых слоев казался ему более подходящим для праведной еврейской женщины.

Ряд обязанностей членов семьи по отношению друг к другу обусловлен историческими реалиями жизни еврейской общины Палестины II-III вв. н.э. (выкуп жены из плена, обучение сына плаванию и т.д.) (М. Ктуб. 4:4; Т. Кидд. 1:11). Особо подчеркну исключение таннаями фигуры матери из системы взаимных обязанностей детей и родителей (М. Кидд. 1:7).

Доставшаяся таннаям библейская традиция исключала женщин из круга наследников. В мишнаитском праве, как и в библейском, сыновья, но не дочери, являются наследниками своего отца (М. Ктуб. 4:6; М. Б. Батра 8:2). Однако в греко-римском мире женщины могли наследовать от своих мужей, отцов и всех других родственников-мужчин (Гай 2, 124; 2, 156). Безусловно, подобная правовая практика в окружающей евреев среде не могла не влиять на жизнь их общины (М. Б. Батра 7:10). Таннаи были вынуждены учитывать

реально существующие тенденции, однако пытались реализовать их не напрямую, а косвенным образом (например, посредством приданого) так, чтобы максимально оставить в силе библейское правило наследования (М. Ктуб. 4:11; М. Б. Батра 8:8; Т. Ктуб. 6:3).

В третьем параграфе «**Развод и его последствия**» исследуются финансовые и идеологические проблемы, связанные с институтом развода. Анализируется библейское обоснование развода и причины того, почему таннаи оставили монопольное право развода за мужьями (М. Иев. 14:1). Повод для развода оставался спорным вопросом (М. Гитт. 9:10). В представлениях раббы монопольная инициатива мужа при разводе и выплата жене кетубы в правовом и финансовом плане компенсировали друг друга (М. Ктуб. 9:3; М. Нед. 9:5). Оправдания для начала разводного процесса со стороны мужа практически не требовалось. Единственное, что могло его остановить – финансовые потери при выплате кетубы. Однако таннаи допускают ряд случаев, когда женщина вообще уходит без кетубы (М. Ктуб. 7:6). Видимо, это должно было заставить иудейских женщин вести себя скромно и в соответствии с нормами иудейской религии, на монопольное право трактовки которой и претендовали таннаи. Принуждение мужа к разводу с женой было крайне ограничено и являлось спорным моментом в законодательстве таннаев (М. Ктуб. 7:1-10). Имеющиеся папирусные источники позволяют утверждать, что еврейские семьи, жившие в период, близкий к созданию Мишны, практиковали развод, схожий по своей сути с греко-римским обычаем и расходящийся с тем, что предложили таннаи (Р. Yad. 18; Xhev./Se. Ar. 13). Женщина наравне с мужчиной продолжала обладать правом инициировать развод.

Таннаический закон ограничил право на развод только мужчинами, но должен был создать защиту для того, чтобы мужчины не злоупотребляли этим правом. Правовая мысль таннаев несколько запутанно связывает одностороннее право на развод с выплатой кетубы. Поэтому причины нововведения в области развода те же, что и в отношении появления кетубы: стремление таннаев придать еврейскому браку «еврейскость», отделить его в правовом плане от окружающей культурной среды.

Рабби не были слишком обеспокоены или настроены против развода, иначе они не относились бы с такой легкостью к причинам развода. Существующие свидетельства говорят, что процент разводов среди евреев данного периода не был низок. Представляется, что таннаи, осознавая тяжелую ситуацию, в какую попала еврейская община в Палестине, стремились не мешать мужчинам в их желании разводиться, и даже подсказывали им пути ухода от своей жены без финансовых потерь. Женщин же таннаи подозревали в том, что желание развода возникает у них из-за сексуального влечения к другому мужчине (М. Нед. 11:12). Вследствие этого в обществе существовало негативное отношение к разведенным женщинам (Б. Псах. 112a-112b). Чуть более высокое положение в общественном мнении имели вдовы (М. Ктуб. 8:6; 11:1-3).

Третья глава «Нарушение семейных устоев как социальная девиация (на основе раздела «Нашим»)» делится на два параграфа.

Первый параграф «Сексуальные преступления против женщин» посвящен сексуальным преступлениям против женщин и проблемам, которые они вызывали в семейной и общественной сфере. Таннаев интересовали вопросы, связанные с женской физиологией (фертильность, менструация и т.д.), и проблема контроля женской сексуальности. Их остро интересовали моменты перехода женщины из-под власти одного мужчины под власть другого. Моменты перехода создавали возможность выхода из-под контроля женской сексуальности, что в свою очередь могло привести к серьезным нарушениям установленного миропорядка. Но женская сексуальность могла стать достоянием другого мужчины и незаконным путем. Таким образом, таннаи обратили пристальное внимание на сферу сексуальных правонарушений.

Подробно разбирается трактовка таннаими библейских правил о сексуальных преступлениях. Библейское законодательство интересовалось темой сексуальных преступлений (Исх. 22:16-17; Втор. 22:13-29). Определение сексуального преступления было тесно связано со статусом женщины, а иногда зависело и от места, где произошло преступление. По своей сути сексуальное преступление было нарушением собственнических интересов отца и мужа. Отсюда проистекает невнимание к интересам женщины и нечеткая терминология в определении сексуального правонарушения. Таннаи начинают различать обольщение и изнасилование. Рабби нигде не связывают определение состава сексуального преступления через место, где оно произошло. Более того, в качестве критерия размежевания изнасилования и обольщения вводится чувство самой жертвы, испытывала ли она физическое страдание или нет (М. Ктуб. 3:4). В Мишне появляются новые финансовые наказания преступника, которых не было в библейском правиле. Сексуальные преступления против независимой женщины меньше интересовали создателей Мишны, поскольку они не затрагивали собственнические интересы какого-либо мужчины.

Введение таннаими платы за бесчестие (М. Ктуб. 3:7; М. Б. Камма 8:1) согласуется с системой чести и позора характерной для греко-римской культуры. Определение наказания за бесчестие возможно отражает влияние римского права (Гай 3, 220-221). Общество эпохи таннаев было менее патриархальным, чем библейское. Учет страдания женщины при насилии, расширение сферы наказания за обольщение и изнасилование на категорию жен, распределение пеней за ущерб и за бесчестие в пользу жен, говорит о том, что даже такая консервативная область общественной жизни как право, оценивало зависимых женщин (в большей степени жен, чем дочерей) не только как собственность их мужчин, но и как личность.

Палестинские евреи II – III вв. н.э. были частью общества Римской империи на пике ее могущества. Для этого общества, даже если иметь в виду только свободное население, была характерна высокая степень социального неравенства. Полисные и другие типы социального единства находились в кризисе, и для человека становились чрезвычайно важными атрибуты личной статусности. Очевидно, что семья была одним из главных таких атрибутов.

Женщины в этой системе были слабым звеном, стороной, откуда могла прийти опасность для статуса мужчины. Видимо, ситуация, когда мужчину постигал позор из-за его женщин, была не такой уж редкой. Озабоченность данной проблемой, стоит за разработкой и в римском праве, и в Мишне наказания за бесчестие. Честь мужчины была напрямую связана с монопольным правом на обладание сексуальностью женщины. Особенно проблемным для еврейских мужчин в этом плане был вопрос девственности.

Анализ ситуации спора о девственности показывает влияние на развитие правовой мысли таннаев ценностей земледельческого, сложно стратифицированного общества, в котором женщина обладала большими правами, чем это позволяла традиционная структура патриархального общества (М. Ктуб. 1:6). Игнорирование ритуала выставления «знаков девственности» в правовом тексте Мишны, и акцентирование внимания суда на доверии к словесным доказательствам, может быть следствием утверждения власти таннаев в еврейском обществе (М. Ктуб. 1:1; 1:6). Лишая ритуал правовой целесообразности, заменяя его другими инструментами установления истины, таннаи подрывали властные полномочия той группы еврейского общества, которая стояла за соблюдением ритуала.

Уровень сексуального насилия в еврейском обществе Палестины II – III вв. н.э. был высок. Условия масштабного присутствия чужой армии с одной стороны, и перенесение вопросов чистоты в сферу семейно-брачных отношений с другой, заставили таннаев обратить пристальное внимание на сексуальные правонарушения (М. Эрув. 3:5; И. Ктуб. 1:5, 25с; И. Нед. 12:13, 42d) и уйти далеко за пределы библейских предписаний.

Во втором параграфе **«Измена как фактор семейной и общественной жизни»** анализируется важнейшая проблема женской сексуальности, по мнению рабби, – адюльтер. Рассматривается интерпретация библейской ордалии (питие горькой воды), причины произошедших изменений.

Представляется, что еврейские мужья не стремились исполнять библейское право отмищения, опасаясь карательных мер со стороны римского правосудия, удовлетворяясь разводом с изменницей, с присвоением ее кетубы. Ордалия была заменена оповещением неверной жены в присутствии свидетелей (М. Сота 1:1-2). Для рабби, живущих в эпоху расцвета Римской империи с ее высокой культурой права, примитивное библейское правосудие казалось мало приемлемым.

Раввинистические правила сексуального поведения (и особенно касающиеся подозреваемой в адюльтере), отражают обособление секса как отдельной сферы для дискуссии и регулирования. Измена женщины выглядела основополагающей причиной нарушения правильного мироустройства (Б. Сота 17a; И. Ктуб. 5:6). В этом можно увидеть и влияние римской правовой культуры, в частности законодательства Августа об адюльтере. Римские и еврейские законодатели внедряли новый дискурс идентичности, в котором принятие в члены общества, особенно для женщин, было основано на согласии с предписанными сексуальными предпочтениями и поступками. Таким образом, за развитием библейской темы измены в Мишне, возможно, стояло

и мощное воздействие окружающей культуры, где измена была одной из болевых точек (Pliny, Panegyricus 83.4). Солидаризируясь со стоической пропагандой идеологии *oikos*'а и дополняя ее своими размышлениями о чистоте брака, рабби трактовали борьбу с адюльтером, как основополагающую для сохранения правильного миропорядка.

Отменяя ордалию (М. Сота 9:9) и вводя новые правила, рабби делали правовой аспект наказания женской измены более демократичным. Но, с другой стороны, как сила, пришедшая на смену жречеству, они стремились получить такой же (если не больший) контроль над еврейским обществом. Это происходило путем вмешательства суда (М. Сота 4:5; Б. Сота 25b) во внутрисемейные дела: измена жены становилась не только частной проблемой, но и общественной. Поскольку мужья продолжали подозревать своих жен в измене, а сексуальная верность была основополагающей чертой еврейки, судебные дела об адюльтере были удобным инструментом, позволяющим рабби контролировать ситуацию не только в сфере публичных отношений. С учетом того, что римские власти не всегда шли наперекор местным формам семейного права, даже если эти формы противоречили римскому праву (CJ 9.9.18), можно сказать, что у раввинистических судов оставались большие возможности для расширения в этой области права своей юрисдикции.

В заключении сформулированы общие выводы, сделанные в ходе исследования.

В приложении дан глоссарий.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертаций:

1. Григер М.В. Правовой статус женщины в позднеантичных правовых документах (Институции Гая и раздел «Нашим» Мишны) / М.В. Григер // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 19. Специальный выпуск: Индивид, общество, власть в контексте гендерной истории. – М., 2007. – №9. – С. 110-135.
2. Григер М.В. Социальный аспект взаимодействия Восток – Запад в римской Иудее (37 г. до н.э. – 135 г. н.э.) / М.В. Григер // Ученые Записки Казанского Государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – Казань, 2007. – Т. 149. Кн. 4. – С. 193-202.

В других изданиях:

3. Григер М.В. Правовой статус женщины в позднеантичных правовых документах (Институции Гая и раздел «Нашим» Мишны) / М.В. Григер // Адам&Ева. Альманах гендерной истории. – М., 2004. – №7. – С. 65-90.